

Марина МАТВЕЕВА

МОНО-ЛИТ

...Я не люблю людей.
И. Бродский. Натюрморт

1.

Бог — это потолок
комнаты надо мной.
Если мне нужен Бог,
стану его стеной.

Лягу я на кровать
комнаты без окон.
Не на кого плевать —
я не люблю икон.

Плюнешь на потолок —
инда себе на лик,
ай да себе на лоб,
только себе и крик.

Как откричит, поймешь,
как бесполезен он.
Бог — это пото-ложь
комнаты без окон.

Хоть привались к стене,
хоть на полу отвой —
разницы, жено, нет —
дом. Потолок. Он твой

щит от земных потерь,
кокон земных забот.
Он говорит: «Я дверь,
люк и подземный ход —

лишь проруби! Давно
нет топора — грызи.
В комнате есть окно,
просто оно в грязи.

Марина Матвеева — поэт, прозаик, литературный критик, публицист, журналист. Автор книг (поэзия, проза). Лауреат международных и региональных премий (поэзия, критика). Член Союза писателей России, Южнорусского Союза писателей. Координатор творческого проекта «Web-притяжение крымской поэзии и бардовский видеомост», ведущая рубрики «Крымские узоры» литературно-философского журнала «Что есть истина» (Лондон). Живет в Симферополе.

Мой! И увидишь свет,
Драй! И услышишь слог.
Глаз отвечает: «Нет.
Вижу: ты — потолок».

2.

Спи, нигилисте. Спят
все. Но приходит зло —
«Господи!» — и опять
ликом — на потолок.

Инда не лбом об пол —
ай да монаси в ряд.
Не от духовных зол
на потолки глядят.

Если б хоть пустоту
Буддову — без идей...
Мать вопиет Христу:
«Сын ты мне или где?»

Тот, кто лежа стоит —
дослеза извести...
Бог — это монолит.
На тебе — извести,

люстры тебе, лепнин —
пусть отвлекают взор.
Если ты мне не Сын,
значит, ты просто вор.

Инда взлечу, горда,
ай да над головой!..
Он отвечает: «Да.
И потолок я — твой».

* * *

Вечор отсырелою крымской зимцою
не вьюга нам выла по виктору цою,
не хлопья пуржили лепехами в лик,
а просто прожили мы с Лехою миг.

А просто прожили, а просто поржали,
а просто кого-то в себе испужали,
как павка корчагин — не стыдно ему
бесцельно прожи то тому, то тому.

А после прожилки мгновение это
куда-то свалило из нас как предмета.
Видать, укатило, как леди с сумой,
набитою яствами, к мужу домой

на самом переднем бушприте маршлодки,
там, там, где в водителя тыкалось локтем,
в рычаг скоростей на спонтанной волне,
с ночнеющим городом наедине.

И вот мы стоим, как удода, без мига.
И нам не поможет ни умная книга,
ни дима билан, ни армен григорян,
ни санта лючия, ни небо славян.

И вот мы стоим, как лохи, без мгновенья.
И нас не спасет ни церковное пенье,
ни пиво, ни водка, ни млеко козлиц —
там, там, где сияет и вьюга нам свищ...

И вот просоленную крымской зимищей
мы, два капитана, сокровище ищем.
Но нет у нас карты. И компас не тот.
И штормля. И вновь продолжается год.

* * *

Осень Бедного Йорика, солнечно-серые жмурки...
Золотая, как зубы кадета, вкусившего пиний.
Там, где падают травы, выходят из спячки окурки.
Там, где падают листья, осколки седой энтропии,
вылезает труба, изоржавленным локтем бодаясь,
за листвой неведима, невидима и неподсудна.
Вылезает судьба. Укоризненно столь молодая,
что любой инкунабуле страх за нее. Поминутно
набегает волна на песочный хрономик Салгира,
серебристые ивы впиваются розгами в тело
изъявленной воды; сквозь нее проходило полмира
тех, кто дважды пытался в одну, бесшабашно и смело,
но всегда получалось — в иную: и воду, и пропасть.
Но всегда — получалось. Иначе зачем и возможно?
Прибегает вода. Умиляет ее расторопность.
Избегает вода. Восхищает ее осторожность.
Осень высушит разум до Йорика, память растронет
раскорузло-цветистым, протертым до дыр сарафаном.
Распускается лед, будто смятый пакет на ладони, —
развлечение скучающей тетки: цветок целлофанус.
Здесь, где воздух извечен раскидистой прелюю праной,
под деревьями много соляных столпов одиночеств.

Эти люди тоскуют, стоят и тупят, как бараны,
только новых ворот слишком много — не каждый захочет
выбирать. Им бы сразу, без выбора, точно — дали б...
Вот тогда и берется, иначе — болезнь без симптомов.
У бескожей трубы ревматизм, и ей ясно до стали,
что зимою тепло лишь в приемнике металлолома.

R&K

Святыни, артобъекты, атавизмы...
Сегодня — до. А завтра — после ля.
Не приближайся к истине «отчизны»,
которая не весит ни рубля.
И эта мощь, похожая на рифы,
а вовсе не на парусник давно, —
«Ваше уже...» — взведенная на рифмы —
музейный пень, скамья, веретено.
И бабушка. Отставшая от жизни,
как птерозавр от «боинга». В крови
ее толкуют страсти по Отчизне,
по прежней — бес-со-мнение-вой — любви:
и к этой светлой, ясно-серой тетке
с серпом и выражением лица,
и к этой стопятьсотохвостой плетке,
и быть живым — и только! — до конца,
и к этой беззаветности, которой
стальнее нынче разве что трамвай...
...взлетающий меж бронзовых повторов
по небесам: «Коси!» — и — «Забивай!» —
туда, где свет. И дедушка. И Ленин.
Сидяше одесную от Отца,
дивяшеся на «новый поколений»,
живущий на коленях — у лица.
...Рывок! Борьба!.. и ветер треплет фартук...
Зачем стоите? Падайте с молитв.
Артритные объекты, артефакты.
И каменная задница болит.

* * *

Муж пришел домой — и удрых.
Устает, бедняга, в песцы.
Я сижу пишу этот стих
с мыслью об энергии ци.

Вот пойду я в горы пешком.
Встрену в горах гуру гурьбу.
Может быть, сумеют бочком
вывернуть такую судьбу.

Знаю, гуру любят гурить
гугурибуриборибы.
С ними хорошо говорить
либо об изгибах судьбы,

либо об уйти из себя,
либо о питанье любви...
Гуру любят только любя.
Гуру — это вымерший вид.

Гуру — это Красная Кни-
гадам и гадючьему се-
мени будешь с ними без них —
боли будет радостно всем.

Я пойду и съем пирожок,
разделив с лосями в лесу.
Но куда спит мил дружок,
я его в себе понесу.

РОСЯНКА

Бессильная встреча. И жарно, и стужно...
И Млечных Путей разлетается рой...
Она была хищным цветком Кали-южным,
а он — из Двапары наивный герой.
У «лилии» этой — полсердца на свалке,
другой половине — куски выгрызать
у тех, кто умеет любить из-под палки,
под дулом — и только. ...Какие глаза!..
Увидела в фильме — и сразу за книгу:
а что это было? Ползи, партизан,
по строкам «писаний» к саднящему сдвигу:
плевать на идеи!.. Какие глаза!..
Их боль — как твоя. О тебе и с тобою.
Уйти переносом из слова «шиза»
на новую строчку — да к новому бою
за что-то живое... Какие глаза!..
Не варится кашка («за маму», «за папу»),
борщ переассолен — привет, паруса!
За жизнь поднебесью давая на лапу,
швырни ее кошкам.... Какие глаза!..
Из комнаты выйдешь — ипритовый Бродский.
Умеешь на газ — проверяй тормоза.
...Свиристель мышкинство по-идиотски
все тянет и тянет его за глаза,
сминая, ломая, почти удушая,
граня под себя — иступилась фреза...
Вселенная стонет: «Я слишком большая!
Я вся не вмещаюсь в Какие глаза!»

«Да что ты, Голахтего? Аль ушибилась?
Тебе я в натуре имею сказать:
не боги горшки обжигают — на милость
нельзя полагаться, имея глаза!»
Была она вечной, и главной, и нужной,
спасительной — встреча! Живая лоза!..
...Ну вот, дожевала в тоске Кали-южной
ошметки Двапары — «Какие глаза» —
и что теперь делать? Других-то не будет...
Я из лесу вышел — был сильный вокзал.
Гляжу: поднимаются медленно люди
в небесные дебри, держась за глаза.